

ЗЕРКАЛО

Независимая киногазета в гостях у «Золотого Дюка»

КИНОБОЗРЕВАТЕЛЬ «ВЕЧЕРНЕЙ ОДЕССЫ» СТАЛ РЕДАКТОРОМ «ЗЕРКАЛА»

МОНОЛОГ ИЗ ЗАЗЕРКАЛЯ

Странный заголовок для статьи, знающей читателей с новой газетой, не правда ли? Его бы приберегли для сатирической рубрики. Верно... Но обстоятельства, сопутствовавшие появлению, на свет номера, были из ряда вон выходящими, «зазеркальными», если хотите. Да и будущее не слаще...

Ведь у «Зеркала» не было и нет ни помещения, ни телефона, ни транспорта, ни пишущих машинок, ни типографии, ни денег на счете, ни перспектив, что бы рубить деревья, ни фабрики, чтобы превращать их в бумагу. — Иначе, кроме независимости, которую в такой ситуации невозможно потерять.

Сенаторнату СК СССР позавидовало привлеченным к выполнению соответствующих пунктов резолюции прошлого съезда (то газета) «партизанскими методами», не добившись регулярного материального снабжения задуманного предприятия. И хотя при нарастающем дефиците бумаги этот план выглядел чистой

шей авантюрой, номер — перед вами. Надежда перешла в Сомнение, что под новым названием и в новом качестве возродится старая газета, прав на которую у кинематографистов не меньше, чем у СП СССР на «Литературу».

Уверен, мы добьемся своего. Слухи о бумажной катастрофе, напугавшие нас, искусственно преувеличены. Нам не раз предлагали специально угодные бумаги, но по людоедским, десантированным ценам. Опираясь, судя по мажорности корбейкинов, совершенно для них безопасная.

Этот номер «Зеркала» мало похож на традиционную газету. Ни оперативной информации, ни публицистики, больших и малых, военных и аполитических материалов; ни сосредоточенности на одной, наиболее острой проблеме недели. Сделано это вынуждено. Идея осуществления «нулевого номера» для газеты вообще ненормальная и, нам мы уже поняли, возникла только из-за неопре-

денности перспектив. Газета как информационное и нравственное целое уместна лишь в бесконечном ряду поддерживающих и мотивирующих друг друга выпусков, которые — все вместе — составляют своеобразную стенограмму реальности. Вырванный из исторического времени, потонувший в будущем, по обычной газетной программе, «нулевой номер» невозможен. Он был бы изложением нелепых — поверхностных и одиозных. Потому-то и была набрана «журналистская модель», скрывающая проблемность, аналитическими публикациями достаточно широкий диапазон тем, которые будут интересовать нас всегда. Мне не раз в последнее время задавали суровые вопросы. Какую газету вы собираетесь делать? Общественно-политическую? Но зачем она нужна кинематографистам? Чем будет отличаться от «Московских новостей»? В чем вы видите ее «уникальность»? Какой будет разница между ней и, к примеру, «Гардиан»?

Что тут ответить? Дескать, от «Гардиан» газета будет отличаться тем же, чем были «Экспресс» — от «Гардиан» «Экспресс». А если не изобрести вывески? Ну, что нельзя и допустить, что может появиться еще один журнал, ориентированный на кинематографическую аудиторию, или газета, предназначенная тем же, кто читает преимущественно «ПГ»? Точнее так, много, по моему, высказалось на сей счет во «Взгляде» А. Бонин: «Русский мир один, а гардины разные». Согласитесь, вся штука не в таинственной «спеллин-фиксе», а в мировоззренческой позиции издания, которая может резко отличаться от воззрений других; в индивидуальных особенностях мышления и логике обозначателей; в интерпретации проблем, одинаково владеющих воображением журналистов и читателей; в умении раздобыть информацию, которую больше ни у кого нет, и подать ее так, как ныне и не снилось в эфире новых сюжетов, имен и прогнозическом чутье; в способности выдвинуть и глубоко, сродни исследованию, новые социальные тенденции и т. д.

Почему «Зеркало» не будет от переноса порчи посвящена кино? Да потому, что универсальная газета сегодня никому не нужна. Мир политизирован. Не заменять этого глупо. Газета должна существовать в моменты дня, размышляя, в том числе, и о принципах планового состояния современного кинематографа. Нулевой номер? Конечно. Большим блоком кинематографистов? Безусловно. Но и — политика, и социология, и экономика, и право, которые, естественно преобразившись, отразятся в зеркале кинематографа.

Однако все сказанное равно ничего не значит, если нам не удастся сделать такую газету, на которой она займала на первой полосе: если в диалоге с нами мы не сумеем быть предельно честными. Не гласности ведь нам всем нужна, а свобода слова. Не о дорожном нам худосочном демократизме мы мечтали и мечтаем, а о подлинном демократизме. Не дезориентированная информация нам требуется — мол, некий литовец совершил попытку самоубийства на площади оттого, по-видимому, что когда не работал и не видел с женой (из-за такого не признают в Мозу), чтобы услышать факелом на площади Революции; а вся полнота информации: что это был за человек и что им руководило на самом деле?

Мы относимся к печати как к полноценному демократическому институту. Это главное условие достойного участия газеты в социальном процессе перестройки. В противном случае не стоило и начинать.

Валерий БАРАНОВСКИЙ
Редактор

РАЗГОВОР НАЧИСТОТУ

ДИССИДЕНТЫ КОМУ УДАЛАСЬ ЖИЗНЬ?

ПОСЛЕ ПЕРВОГО ПРОСМОТРА ФИЛЬМА В ДОМЕ КУЛЬТУРЫ МАН ТРИ ЧЕЛОВЕКА ПОДНЯЛИСЬ НА СЦЕНУ И, ПОЧТИ КАСАЯСЬ ДРУГ ДРУГА, СЕЛИ ЗА ОДНИ МАЛЕНЬКИМИ ЖУРНАЛЬНЫМИ СТОЛИКАМИ — ПОЛКОВНИК ИГБ, ЖЕНЩИНА — ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННАЯ И АДВОКАТ, ПЫТАВШИЙСЯ ЗАЩИЩАТЬ ДИССИДЕНТОВ. «ВООБЩЕ-ТО ИНТЕРЕСНО, ЧТО МЫ СЕДИМ ЗДЕСЬ РЯДОМ», — СКАЗАЛ, УЛЫБАЯСЬ, АДВОКАТ, ОНИ ПОНИМАЮЩЕ ПЕРЕГЛЯНУЛИСЬ С ЖЕНЩИНОЙ, И ВСЕ В ЗАЛЕ ЗАУЛЫБАЛИСЬ ВСПЕД ЗА НИМИ.

Полковник ИГБ говорил об «осцилляторной» миссии подразделения «информации», которую выполняли органы государственности, о теории «неадекватности», разработанной в его учениками для «юридического» обоснования политических репрессий против приволагодеев. Согласно этой теории, советский человек в эпоху развитого социализма не может не испытывать радости и гордости за свою страну, уже почти построившую коммунизм. Вспомнивший странный дурацкий переименований — особая форма шизофрении, таких людей надо лечить в психиатрическом порядке.

Женщина, у которой в лагере умер муж, сама прошедшая через тюрьму и

ссылку, связала, что диссидентское движение не было по сути ни демократическим, ни политическим, что было движение «нового мышления». Она снова улыбнулась — на сей раз тому, что воспользовалась терминологией нового руководителя старой партии, уготовившей ей такую жизнь.

Адвокат, исключенный из коллегии адвокатов и из партии за то, что осмелился пойти против Системы, сказал, что никакого особого гонения он тогда не проявил, так как был запертым всего лишь на одном политическом процессе — просто исполнял свой профессиональный долг.

Полковник ИГБ рассказывал: после того, как он выступил в «Огоньке» с революционной статьей о деятельности своей организации, в которой прослужил 27 лет, старые знакомые перестали проходить к нему домой, звонить, из встречались случайно на улице, призывали, что поддерживают его. «Я убедился, — добавила она, — что скоро вы услышите более весомые слова от сотрудников органов».

«Мы хотели, чтобы перестройка нового мышления, которое было в почве нашей, не пошло — проросло», — рассказала женщина, план которой разрабатывали только за то, что в 68-м, после выезда советских танков в Прагу, она и еще шесть человек осмелились выйти на Красную площадь с самодельным плакатом. На вопрос, что ей больше всего удалось в жизни, она отвечала: «Я думаю, мне удалось жить».

Адвокат спросил, чувствует ли он на себе давление государства? И он, избранный сегодня народным депутатом, сказал: «Нет, сегодня мы законодатели».

...Для меня и, думаю, для многих, кто слушал этих троих, сидевших рядом после просмотра фильма, в котором они были героями, — фильм о внутренней свободе, о преодолении страха, — это стало еще одним свидетельством того, что страна выздоравливает, еще один шаг к тому, что народ наш все-таки уже не вер-

нется на путь узкой нечести и саморазрушения.

Читатель, наверное, догадался, что и полковник ИГБ, и женщина, и адвокат — и, к счастью, в Ярослав Карлович — и, наверное, все-таки и социальное: мы ведь не знаем совсем, сколько таких, как он, сегодня в органах государственности и не собирают ли там по-прежнему анекдоты, которые мы рассказываем друзьям и сослуживцам.

А Борис Золотухин сегодня снова адвокат.

И все трое на свободе — в прямом и переносном смысле.

Андрей Сивилев говорит в этом фильме: «Диссидентство начинается с процесса — напуганного и самостоятельного, без одобрения государства, думая... Это прежде всего интеллектуальный процесс — диссидентство... Не к нему присоединяется и нравственный. Диссидент ощущает, что, если он будет думать и не будет говорить, он виноват в тех преступлениях, которые произошли и происходят».

Крутым планом в фильме протаргит те, кто первыми ощутили себя людьми. Благодаря кому и им сегодня имеем возможность ощущать себя в этом качестве. Высланные, уехавшие, оставшиеся... Выстоявшие. А за кадром остаются еще очень многие и одинокие многие.

Этот фильм о тех, кто шел самым кратчайшим, прямым путем к свободе и к истине, и о тех, кто с автоматом стоял на этом пути. О тех, кто помогал выжить, и о Системе, все делавшей, чтобы люди замолчали. Правда отчаянных одиночек и тотальный дымок тупости, крутого порока или...

Этот фильм о том, что не только они бросали нас в лагерь, а и мы сами бросали себя в лагерь. Но вот вопрос, который не прозвучал с экраном: «Сегодня мы — другие?»

Я. Карлович: «По сути дела, большинство на нас ходило как голый, а ноги изверну. Но так просто пере-

вернуться и ничуть не смотреть по-человечески».

Л. Богораз: «Нам много тогда, когда мы все разные. Не тогда, когда все, как один, поднимаем кулак и что-то кричим хором. А когда каждый сам по себе — тогда мы приобретаем свободу и возможность жить».

Режиссер фильма признался, что во время работы над ним вся творческая группа получила такой заряд энергии, такой интеллектуальный заряд...

Как эстафетную палочку, фильм передает этот самый заряд парид зрителю. Но, странное дело, это не сила правды, сила и истины. Герои фильма выжили на площади не для того, чтобы что-то свершить, они выжили, чтобы сказать правду. Они сделали первый шаг, чтобы мы смогли разобраться в самих себе.

— Я рос в благополучной семье, и был, наверное, счастливым послушным сыном своих родителей. Мама плакала, уговаривала, дома были скандалы: «Тебя выгонят из института. Тебе ведь дальше жить. О себе не хочешь думать — о нас подумай. Что мы тебе плохого сделали?» У меня просто не хватило пороку выйти с ними на площадь и даже выступить на собрании. И мог только выйти за успех дела с друзьями.

Наша сила после фильма поднимала людей с мест, заставляла говорить такое? Люди ошутили — перестали выговариваться, объясняться, если не сказать больше. С этого, наверное, и начинается всемирное покаяние... а затем угн и национальное признание...

Фильм, о котором идет речь, — в строгом смысле не художественный, хотя в нем есть и игровые эпизоды, и ларинкский герой, от лица которого ведется повествование... Но моментально этот очень сильный фильм поднимается до уровня высшего художества. Он прекрасно сыгран. Один лишь штрих. В фильме интригующий фрагмент из спектакля «Московские кухни» по пьесе Ю. Кима, который идет в театре «Студия Третье направление». Те, кто смотрел этот спектакль, думаю, согласятся: там есть некие соприкосновения с той же эстетикой искусства — лучше, кажется, нельзя. На пленке они — лучше...

О «Диссидентах» можно говорить очень много, каждый из его героев — особый текст...

Чтобы завершить этот материал, мне остается сообщить выходные данные фильма:

«Диссиденты». Автор сценария Владимир Батшев. Режиссер Григорий Наугаин. Оператор Анатолий Антонов, ассистент режиссера Татьяна Рудяковская. Творческое объединение «Колокол». «Центрауниверсиль»,

Василий КУЗЬМИН.

ОСОБАЯ ТЕМА

ЕСЛИ СКАЗАТЬ ПО ЧЕСТИ

В наши дни распространена и охотно принимается уверенность в том, что граждане тридцати седьмого года и последующих лет не знали об ужасах Лубянки и концлагерей. Не знали о мучительстве и пытках.

Как человек, отмахивавший наш век с начала и до исхода, могу заявить: это не так. Честно? Знали. Еще честней? Нередко в подробностях, пожалуй, за исключением тех, что казались невероятными.

Знали и говорили друг с другом об этом, добывая порой даже и суждениям о Власти. Или во всяком случае, в окрестностях Власти. Но шепотом. То было время шепота. Артистический шепот. Мастерство прищепывания. Оно еще идет своим исследователям и расшифровщикам.

Будь даже повзвонное, упорное, снабженное шпалерскими этикетками, обремененное постоянным занятием, искусство тех лет (ныне во многом сдвинувшее на антресоли) освоило сложнейшее мастерство инсценировки, намеков, многозначений, когда читатель (зритель) видит сквозь призму знакомого и позволенного нечто такое, что совсем необычно и никак не разрешено. Он просеивался мной раз, далеко за рамками того, что читателю (зрителю) было дано знать. Искусство (уш такое) танцует и в те времена туда, куда строгаище запрещено танцевать. И да, бывало, достигалось. Ну, не совсем, но близилось. Где-то под боком, рядом. Почти.

Это было смертельно опасно для автора. И приемы, и способы, какими искусство в те годы облекало эту опасность, достойно глубокого изучения. Конечно, не менее проблематично, нежели то, что отлучилось за рублин и возвратилось теперь с триумфом на родные просторы.

В целом же это была пора горячо одобряемых и энергично вводимых в читатель малосильных романов и драм, вперемешку с блистательными эссеистическими отдельными творениями, с трудом процарапавшими нерушное Пестрое столупное разношерстное время.

Именно тогда обстоятельства привели меня к работе в кино.

И вот, как бензинный свидетель тех лет, могу утверждать, что среди движущих сил Истории, установивших академизм, науку, искусство и марксизма, выпала из академической видности такая стервятница и даже решимая пружина, как страх. А ведь для прояснения стольких афиш, тайн, неурядиц непростой нашей жизни надо прежде всего уяснить себе его значение. Страх, который проны во все щели, брешь, суставы, рукавицы, убеждениями, управляет министерствами, контролировал буквы, перья. Инструктировал речи, поучал генералов, заведующих дипломатами, прокурорами и работниками ЦК.

Это он научил беспримерный народ умению притворяться, изображать добросовестность, имитировать правду, всегда, даже в шлепанцах, быть как на сцене. С утра и до сна шеп-спятилка. Играли единство, починность, аплодисменты, внимание и человеку, доброму, милосердному, благодетельному. Изображали восторг и счастье. Страх создал поведение начальства; его неприступность, шутки, доклады, его покровительственную небрежность, тучность мыслей и жваголов. Не стало ни веры, ни дружбы, ни преданности без страха.

Да и теперь, когда спросит меня по совести назвать то, что преподает перестройка, я бы (если сказать по-честному) первым номером назвал страх. Страх, как бы перестройка не зашла слишком всерьез, за пределы неснижаемых мест и пламенных заявлений.

И ведь точно: неравненно расширились в наши дни рамки возможного для оглашения. Даже по телену теперь слышишь то, и чему, незрячая на все увергия, никак было прикоснуться. Мало открыто говорить, писать и даже кричать о расстратах, тюремниках, взятках — министр и проворовавшихся родственниках, вершинных особ. Правда, не очень понятно, до каких высот и теперь можно доходить. Мне кажется, что и сами высоты пребывают

здесь в некотором недоумении. Стало хрустально ясно: не по сердцу гражданам все эта начальствующая рать с ее кабинетами, недоступностью и спецификой, все эти ураганы бумаг, резолюций, лентенства и высокомерия, эти речи с вялых бесцветных трибун, осененных тюльпанами.

Не тем ли, кстати сказать, объясняются некоторые результаты прошедших выборов?

Десятки лет жил наш человек в условиях, когда все решало помимо него — от войн до инструкций о том, что полезно ему и что вредно. Начальники, директоры, герои, предатели — все это вслыхивало ядром и спускалось к нему неожиданно нагадывая. Откуда они — те, кто командовал? Кто они? Почему эти, а не другие? Никто, кроме грядки, на которой они расцвели, толком не знал о них ничего. Были и нету. Где они?

И еще раз: не этим ли предки всего объясняют победы на многих выборах тех, кто безгосударственней и смелей требовал выбить бюрократов с их лабей. Выслать их. Отстранить от руля.

К тому же мы не вполне уяснили себе феномен перестройки для грядки, нина, который сейчас привнесен к тому, чтобы подчиняться не только высшим планам, но каждой строчке в районной газете.

— Как! — спрашивает такой прирученный гражданин. — Значит, я могу говорить то, что думаю?

- Говори.
- Подвергать сомнению?
- Подвергать.
- Критиковать предсказания?
- Критикуй.
- И даже...
- И даже.
- Ладно, слышали! — говорит мне прирученный. — Остальное. Пошумели и возмущались. Говорят — говорю, а делай, как делал... Знаешь новость? Динка Метелкина распевавшая с женой!

Вы возразите — мало таких, кто в наши дни озабочен женой Метелкина больше, чем государственными делами. Ничего не мало. Ну, что ж, значит, моя беда в том, что я их встречаю за нашим углом. Правда, по переулкам.

Это во-первых. Вторая заковыка. А вторая в том (самом простом), что теперь за все, вроде бы, придется рассчитываться самому. Своими мизерками. На государственным, в кровным. За безделье — кровным, за лажность — кровным. И даже за перекур. Прежде, в застойные (счастливые) дни, можно было всю жизнь играть в усердие, трудолюбие, добросовестность, перевыполнение. И мерки слетали, который длился годами — от пропусков будок до записочек кабинетов, вниз, вверх, сбоку. Всюду пестрели люди, которые знали правила, тонкости и слова этой игры. Уставы услахов и перевыполнения.

А теперь и вправду, как кажется, надо выполнять. Действительно (не на община собраниях) переключать, если плохо. Не приспосабливать. Жить без явля и ретуши, своим риском, карманом, энергией, предпринимчивостью. Отвечать за все... Ну, с этим, братцы, надо привыкнуть. Подготовиться. Особенно со своим карманом. Почитать в записке.

Это во-вторых. А в-третьих, мы не учли, да и непонятно представляем себе до сих пор, какой силы пласт предстоит сменить перестройка.

Это вовсе не анемичный, малокровный слой командующих, начальствующих, раздающих чины и блага — это гигантская сплоченность, спаянная монолитная мощь со своим обычаями, владелцами, связями, дутовым и нравственным строем и даже с надежной и стойкой генетикой. С налаженной жизнью, привычками, с несметными отяжеленными привратниками и поэтами. С непостижимой способностью притворяться, прилаживаться к любым новоратам мысли, приказам, судьбы. Качнуться во славу Нового, возманивать, вознести тех, кто бытает за перемычки, и снова в минуту качнуться, чтобы добы распределиться с теми, кто был.

Это самый могучий, упорный и многоголовый разряд перестройки. С ним труднее всего справиться. Это глыба.

Сказать по-честному, глухо, насупившись на глазах она казалась нравственным, психологическим, внутренним путем от совместного, безымянного мнимо-мнимо-мнимо к морю, к тому, что в моем кармане. Мы росли во всевластие государства, в его всевластие, в то, что оно отвечает за все. За колготки, седло и мир на земле. Оно знает, как тебе жить, работать, думать, относиться к семье, как вести себя дома, за стенком и в домашнем кругу. Знал, что истина, что ложь. Оно видит все, понимает все, а если и усомнится, то сколько вокруг доброхотов, что тут же поднахнут!

И вдруг выясняется, что возникло вовсе не государство, а Я. Внезапно и страшно — должен решать все сам. Поставить себе сам. И даже убийство по производству, продаже, снабжению принять на себя. И все неудачно сработавшее отразится не в рапортиках и ведомостях, а на моей собственной шкуре.

— Нет, парни, так не пойдет! Давайте по-прежнему, по-государственному. Вы хлопайте, уезжайте, ругайтесь, а мне зарплата положена — ее и подай! у нас социализм.

Я не согласен с высокими людьми, которые гвоздят, что все у нас изменилось. Да, струну, но пока не делал. Тут же рядом, плечом к плечу. Митинг — пожалуйста, но с разрешения канцелярии. Будь демократом — извольте, но при узлеке с начальством.

Вы скажете — это не так. Нет, это так. Я слишком много видел, чтобы не угадать то, что мне хорошо знакомо.

Самое удивительное в истории моего времени — это привычка масс к поворотам, которые сопровождают их едва ли на полную жизнь. Но разве не доказал тот же век своей кровью и лагерями, что эта леньность всего лишь видимость. Да ведь и массы — вовсе не то, что мы годами именovali массами. И восторгалась монолитностью и единством их.

Массы — это слияние, совмещение и отталкивание людей, каждый из которых есть необычность, неповторимость, личность. Перестройка нужна не глыбы, которые поворачиваются на любой глаз по мановению тех, кто властен. Ну, конечно, смелые, энергичные, решительные, берущие на себя труд и ответственность, достижения и провалы. Те, кто отваживаются дерзать, рисковать. Тот, кто осмелится себе постановлять. И постановка — выповить.

Мы сделались вправду колесницами в работе, мыслях, поступках, даже во дворцах бронзолетаний. Всюду мы ждем указаний и с жадностью вглядываемся в периодические газет — дана ли уже команда или пока еще нет! Мы как бы пунты похвального покаяния в правилах уличного движения. А ведь все решительное, новое возникает вне правил. Поверь, напоро. Иначе — глухое время, мертвый сезон.

Недаром уже и на перестройку налили немало презрения: лаж, показуха, приписки, зазнайка и фальшь.

Массы были главным героем в нашем искусстве, когда я начинал работать в кино. Борьба масс, низгород масс, гнев масс, нежность и победы масс. Все остальное, личное, преобразенное искусством в единичность, нескладность, разброс, рубилась напрочь. «Жалкий мирон!» — говорили нам. И не только начальственные басы, тут были и баритоны и теноры. Хорошо. Во всех инстанциях.

Наша борьба, битва нашего поколения в экранном искусстве, была световой за отдельного человека. За показ его не только в цехах и в победах, но и в семье, в работах, пище и детях, в незлодея любви, в грусти, сомнениях, во всем бесконечном, бескрайнем и скрытом от не слишком пристальных глаз. Во всем, что и есть человек.

Хотя, конечно, и фабрики были крайне желательны. Как это ни странно теперь, но это была дьявольская борьба. Безжалостная и отчаянная. Бесчестным множествам упрямых и руководящих поднимались в штаны всякий раз, как только автор, бледный от собственной смелости, отлежался в любви, поцелуй, личную грусть, частные душевтерзания, обходя производственные и мировые заводы. — Обывательщина! — говорил редактор о поцелуях. — Междустой! — говорил он про грусть. И сколько бы автор ни бился, повисая в прощальной силе печали, начальство выкидывало поцелуй и ризало грусть. Все это шло на полку. Лежало долгие годы. Правда, как вышло, в довольно пристойном виде, озвученное от сироты и перепада температур.

И конечно, немаленькая была лентя, где упускалось значение. Партия. Хотя маленько, хотя мимолетно, партия должна была быть отряжена. Я знавал фильмы, где для того, чтобы реализовать это требование, герой просто-напросто вне всякой связи с сюжетом и действием заходил в комнату, на дверях которой висел табличка: партия. Это считалось умеренным, но все же идейно достоянием: пусть партия придет всего лишь табличкой, но он должен и картине существовать. Остаться в глазах и в ушах. Жизнь допускалась на экран, но

только с партийным сопровождением. Борьба моих мановирических в еднострадаильном значении состоит в том, что они первыми стали трепать этот каток, поддирать и личному. К человеку, отдельно от масс. Впервые стали интересоваться экран (и чем дальше, тем все больше) не только то, что делает человека поучительным и наглядным, а именно то, что отличает его, выводит из привычного, утвержденного и одобренного. Из гладкоокрашенного и типичного в безраздельности.

Кстати, на мой скромный взгляд, искусство не должно заниматься типичным. Типичное для данного времени может быть обнаружено лишь на редких примерах, вдовольно открыто. Все дальнейшее обычно — люди ориентируются того, что открыто: сперва низкие, потом все более недооценные, омертвевшие, приносящие и, наконец, избивающиеся в труп. В нечто заделанное до одури. Вот тогда-то оно и объявляется типичным. И охраняется караулом.

Однако не то, чтобы утвердить эту истину, ухлопав годы — те самые, когда активно, сбиваясь и спотыкаясь, трудился внешним миром лет. Пусть нам воздастся сполна за наши грехи, но не забывайте и то, что всетаки это мы прорвали безличность и обнаружили, что среди героических глыб дышит, редует, мучится, вслыхивает, любит и помирает отдельный человек, который — плох он или хорош, враг или друг — все же самое сложное и удивительное и необыкновенное из всего, что существует на свете.

В последнее время это, пожалуй, уже. Открылась беспримерная эра. Все окна для искусства распахнуты. И джери, нонто, подвалы, кладовки. Естественно, что первыми сквозь экраны хлынули — и с огромным успехом — сюжеты о ватках, убийцах, ловцах, проблемах и загадках смысла. Надо ли насмехаться над этим успехом? Ничего. Он закономерен: прекрасно, что нас, наконец, перестали считать идиотами.

Но значит ли, что этим исчерпываются все те возможности для киноискусства, которые принесла перестройка? Следует ли экрану (кроме коммерческого) и дальше следовать этим путем? Я полагаю — все-таки нет, надо продолжать.

Разберемся. Долгие годы главным героем экрана была Власть, даже если она оставалась за кадром. Битва, мудрая, всегда побеждающая. Мое поколение в кино призвано было воспеть Власть. Святость Власти строгая, но справедливая. Ласковая, но карающая. И неизменно непобедимая и все налагающаяся в завершенном фильме. Без этого не могло существовать ни ленты, ни автора.

Задача искусства была ясна и неоспорима — восстановление государства, его святости, дальновидности, умения управлять, строить каналы, заводы, города, истреблять врагов, раскрывать вредителей, растить урожан, переделывать человека. Отсюда происходила еще одна задача, свалившаяся на моих кино-сверстников: показ положительного героя.

И только художники, если не признавал, никак не мог его уцелить, поймать на перо и пленку. Он рождался бесчестным и недооцененным, хотя роды происходили в самых стерильных, престижных родительских домах. Может быть, именно потому, что был положительным и как раз таким, как на нем настояло начальство. А ведь истинно положительное являет собой далеко не один достояние. В нем ладно-полно пестрого, разнородного, рывки, рыльи, колдобы, навалом нескладных (и часто необъяснимых) поступков и чувств. Но едва автор пытался не только что показать, но даже назвать не на невинности, сумятицу и непонятную превращение тех, кто по правилам нашей поэтики назывался был быть примером, как без задержки славовало то, о чем вспомнить неохота. Между тем, как раз именно эту неслучайность, неспокойствие, сомнения, нерешительность в Положительном и следует показать искусству. Особенно в дни перестройки. Это будет и правдой, и современностью.

Искусство времени перестройки это, конечно, не только обьяе свисаций и разоблачений, но, в основном, и глазом, — пристальный, честный и умный анализ порастания безличного в личность. От долгой спячки — к разбухшему общественному сознанию.

Евгений ГАБРИЛОВИЧ.

КИНОДЕСАНТ

(Окончание.
Начало на 1-й стр.).

этом городе и хитом, чтобы наши лица, гатурные впечатления подтвердились уандонным. А фестиваль нас интересует как опыт, так как и мы в Китае проводим свой кинофестиваль и нас интересует — как это делается в Одессе.

Президент юни советских киноактеров Евгений ЖАРИКОВ:

— Я был в Одессе совсем недавно, так что вполне реально представляю себе чего жду. Одесса оказалась острым, интересным, не коснулся бед нашего времени. Это видно и по полкам магазинов, и по «Привокзалу», и по лицам одесситов. Одним словом, Одесса жива, и за это ей спасибо. А от фестиваля жду расширения сотрудничества с нашим актерским фестивалем «Созвездия». Мне кажется, это именно те фестивали, которые могут помочь нашему кинематографу оставаться интимным искусством.

А потом гости, на сцене фестивальных залов, развлеклись по гостиницам. Им предстояла ночь отдыха перед бурной фестивальной неделей.

ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ

ЭТОГО НЕ БЫЛО, НЕ БЫЛО, НЕ БЫЛО...

Казалось бы, уже все было — на «Альтернативе», на «Золотом Дюке-88». Так вот же, чего-то, а выдумки в Одессе хватает — голы на выдумку зря. Итак: на сегодня известен лишь председатель профессионального жюри фестиваля — кинорежиссер Геннадий Полока. Выступая на пресс-конференции, он сказал:

— Хочу удержаться от интервью и сохранить названную позицию.

Позже он дал информацию для режиссеров: о составе жюри не проинформирован. Буду благодарен вам за знакомство со своими коллегами по жюри. Так что путана в Париже, общающаяся угловатым составом жюри, все еще развешивается.

Никогда не было на одесских кинофестивалях столько представителей прессы — более 220 журналистов из Москвы, Киева, столиц Прибалтики, куда зарубежные страны приехали узнать, кто является членами жюри и за что будет присужден «Золотой Дюк».

— Да, мы начинали как кинофестиваль коммерческого кино. А теперь в нем коммерции хотим учиться соединять

искусство и бизнес, — сказал генеральный директор фестиваля Ю. В. Коваленко.

И еще одна неожиданная примета фестиваля: спасение утопающих — дело рук самих утопающих. И бойцы невидимого фронта — члены жюри, и всем видимые журналисты, и кинематографисты, приехавшие в качестве гостей, сами должны искать — где, как, когда и с кем посмотреть тот или иной конкурсный или не конкурсный фильм. И вообще! Хватит себя чувствовать гостями. А быть может, этой новации могло и не быть. Хватит на всех одного Парижа!

ОТКРЫТИЕ

ВСЕ ШУТКИ ХОРОШИ, КРОМЕ...

Уже сложилась традиция — открытие Фестиваля торжественно и ярко проходит в оперном театре. Конечно, это обязательные слова: приветствий, и знакомство с гостями, и концерт, концерт, концерт...

Участников фестиваля приветствовали председатель горисполкома В. К. Симоненко, генеральный директор фестиваля Ю. В. Коваленко («У Фестиваля было много врагов, но одесское он объединило»), народный артист СССР Роман Б.

коза («Смотрите «Золотую шляпу» — это рождение на нашем фестивале нового центра детского кино»), Евгений Жариков («Мы приважили на кинофестиваль свой приз: лучшему актеру фестиваля»). И, наконец, душевная, теплая телеграмма от министра культуры Николая Губенко — со словами любви к своему родному городу.

Если бы все ограничилось только приветствиями, открытие можно было бы считать соответствующим традициям нашего периода. Но был концерт, где нам пытались поддаться кривизной. Ах, эти девочки в изодранных трико! Ну, что сегодня удивить количеством полуголых девочек на полуудовлетворенную душу населения! Ах, эти ансамбли «Рондо» и «Космос» дома! И наконец, монологи и анекдоты конференсье! А полуамериканская песня одесского композитора Юрия Климова?

Вспомнилось, что в начале вечера В. К. Симоненко сказал, как актерскую Одессу — город, который не жалеет себя признавать провинцией. Авторы концерта и его режиссер Юрий Бликов имеют по этому поводу, как видно, свое мнение. Провинция торжественно! Очень хотелось бы надеяться, что лишь первый блин комом, и открытие фестиваля не будет иметь никакого отношения к кинематографическому празднику.

Юрий ПАШИН.
Евгений ВОЛОШКО.

В эти дни в Одессе

ПОДАРОК— ДЕТЯМ

Недавно в Одесском горсовете побывала делегация из финского города-побратима Оулу. В дар Совету гости привезли великолепно оформленные работы художников Финляндии — изображение истории развития парусного флота.

Председатель горсовета Б. В. Буркинский принял решение — передать этот подарок в Институт медицинской реабилитации детей с парализованной центральной нервной системы имени Яноша Корнака. Почему именно в это лечебное заведение? Потому что приближенные детей и рисунки и изобразили, в нем можно убедиться сейчас на Благотворительной выставке рисунков детей в Одесском литературном музее, ставя одним из лечебных методов в работе сотрудников института.

В небольшой комнате, одной из пяти, принадлежащей институту в санатории им. Чухурдина, передал Б. В. Буркинский подарок. От имени всего коллектива, а работает здесь около 20 человек, поблагодарила городской Совет научнометодический руководитель института, доктор медицинских наук И. В. Галкина. Прямая, такая же великолепная репродукция некуда вывешивать, так как практически нет стен. Чрезвычайно нужный для города институт работает в ужасной тесноте, в немыслимых условиях. Но сам финт этого дарения говорит о том, что Совет думает о судьбе института, о судьбе больных детей — и показывает надежду, что для этого лечебного заведения будет найдено помещение в самое ближайшее время.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ: ЦЕЛИ И ПРИНЦИПЫ

ЕСТЬ АРЕНДА!

В СЕРЕДИНЕ мая этого года «Вечерняя Одесса» опубликовала статью «Завал на пути аренды» о том, как нам сложным путем приходится идти коллективу станции технического обслуживания № 1 областного предприятия «Одесавтомотосервис» в аренду, о зашлах на этом пути, создаваемых руководителями республиканского и областного объединений «Автомотосервис».

В частности, речь шла о том, что в принципе позиция арендатора по отношению к арендодателю. Представьте себе, что республиканское объединение даст разрешение на самостоятельность одной станции технического обслуживания, потом другой, третьей... Тогда зачем сам аппарат? Такой вопрос естественно встанет, его зададут сами рабочие, будущие на аренде, и их желание содержать управленческую элиту. Функция руководства с успехом может взять на себя любое СТО, став самостоятельным юридическим лицом.

Несудьбы, что противниками аренды выступили директор областного предприятия «Одесавтомотосервис» А. А. Тимошенко и генеральный директор «Укрвавтомотосервиса» Т. Ш. Висадзе.

Напрасно газета ожидала ответов на публикацию от одесских и киевских руководителей «Автомотосервиса». Молчание можно объяснить так:

но одним: не хочется А. Тимошенко и Т. Висадзе делиться с читателями «жужжеем», который создан аппаратом для того, чтобы задушить малейшую тягу людей к здоровым экономическим отношениям.

ЕЩЕ в начале нынешнего года областной Госарбитраж, рассмотрев доводы и претензии обеих сторон, решил принудить объединение «Одесавтомотосервис» заключить договор аренды с СТО-1, с организацией арендатором в течение 10 дней с момента получения решения арбитража. В случае уклонения от выполнения условий договора считать договор заключенным в редакции арендаторов.

Но и этот документ не охлаждал пыл сторонников старых методов хозяйствования. Что им Госарбитраж, когда изобретено безудачно по-своему трактовать даже Основы законодательства Союза ССР и союзных республик об аренде, вступающих в действие с 1 января 1990 года?

На днях в редакцию пришло приятное известие. Своим решением Исполнительный районский зарегистрировал устав арендного предприятия СТО-1 «Автомотосервис». Отделено было разрешено открыть арендному предприятию СТО-1 расчетный счет для финансово-хозяйственной деятельности.

Как и предполагалось, речь на митинге шла прежде всего о повышении цен на периодическое издание, что в целом большинством ораторов расценивается как позитивное слово. Не обошлось митинг и без политических лозунгов, основываясь на которых — обвинения в адрес КПСС. Памяти резолюции.

Митинг, начавшийся с красной церемонии зажжения свечей и памятнику Кобзарю парой нелегальных, длился 2 часа и закончился шествием группы его участников под синие-желтыми, красно-черными и другими знаменами.

Люба ГРИГОРЕНКО.

ФУТБОЛ: ВЫСШАЯ ЛИГА

Не отклоняясь от сценария

Уже много лет по окончании первого круга составляли график движения команд до конца чемпионата. Интересно следить, как клубы идут по дистанции,

ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ

Итак, коллектив СТО-1 можно поздравить. Он завоевал право стать хозяйком, прямо скажем, в условиях давления подомственного прессы и слабой поддержки со стороны властей. Ведь только в октябре стартовав сессия Верховного Совета республики рассмотрит разработанный законопроект об аренде. Но ведь СТО-1 — передел на Украине среди арендаторов «Автомотосервиса», пережившие на арендные отношения.

Владимир МОНАСТЫРСКИЙ.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Сегодня ряд предприятий города, предприниматели и аренда естественно сталкиваются с проблемами, методами обязательно повалются при практической реализации. Основ законодательства Союза ССР и союзных республик об аренде. И это не удивительно — ведь закон еще должен утвердиться на сессии союзных республик, в частности Украины.

Предлагаем рабочим, специалистам продолжить разговор об аренде: поделиться своим мнением о целесообразности перехода на аренду именно в нынешний период на пути к рынку. Читатели просим задавать вопросы, на которые мы предложим ответить специалистам, руководителям предприятий. И, конечно, идем вместе с вами, что уже внесли плоды аренды.

насколько на достигнутом соответствуют своему сценарию. Редко когда прогноз оправдывается абсолютно точно, все-таки предугадать результаты за полноречивость практически невозможно.

Однако в этом году произошло нечто удивительное: все команды играют «по-писиному». Лишь редкие матчи приносят неожиданный результат: выигрывает команда у торпедовцев, индия «Спартак» с «Шахтером», еще дватри встречи... И даже гордится своим знанием футбола не только — просто футбол, видимо, махнул рукой на чемпионов, не пытаются чем-то удивить соперников и болельщиков, не в состоянии противостоять обстоятельствам.

Не стали исключением и составленные вчера пропущенные матчи. «Памир» выиграл у «Металлиста», а «Аварт» — у «Черноморца» с одинаковым счетом 1:0. Теперь у одеситов после 19 встреч 16 очков. Место в турнирной таблице — 9-е, а если считать потерянные очки, то и вовсе 11-е.

Анатолий МАЗУРЕНКО.

Редактор
Б. ДЕРЕВЯНКО.

Миссия «Истоки»

6 августа из Одессы на борту теплохода «Лерина» Сабинава в греческий порт Гирей отбыла международная культурная миссия «Истоки». Она организована благотворительным обществом «Личность», среди учредителей которого и Советский фонд культуры.

Миссия собралась под свои флаги ученых, писателей, композиторов, врачей, деятелей культуры. Достаточно назвать имена академика Иванова, писателя Алоиса Адамюка.

Наш город — последний в Советском Союзе, где побывали участники миссии. Их путь начался на Соловках, прошел по древним культурным центрам севера России, Поволжья. Впереди — посещение Греции, Югославии, Мальты, АРЕ, Израиля и Турции. Везде, где побывают, они будут вести диалог с деятелями науки, культуры, искусства, исследовавшими разные философские, религиозные, политические взгляды. Цель — объединить усилия для возрождения нравственных, духовных основ личности, ибо эти проблемы трезвонят не только нас, в какой-то степени они общие для всего человечества.

«Защитим демократию и гласность!»

В субботу, в Международный день солидарности журналистов, у памятника Г. Г. Шевченко состоялся митинг «Защитим демократию и гласность», организованный общественными «Мемориалом», «Планета громада», правозащитной организацией Народного Руха Украины за переустройство.

Адрес редакции:
270070, Одесса-ГСП,
пл. 50-летия СССР,
1, 8-й этаж.

ТЕЛЕФОНЫ: приемная редактора — 65-30-27, заместитель редактора — 65-30-29, 65-31-10, 65-30-15, 65-30-19, 65-71-41, анонимный — 65-31-08, 65-20-45, советского строительства и идеологический — 65-30-13, 65-20-23, 65-22-40, 65-23-83, 65-23-84, писем и массовой работы — 65-31-15, 65-23-84, 65-31-05, информации и спорта — 65-20-05, общественная приемная — 65-01-29, объявлений — 65-01-29, объявлений в «Репаму» — 65-23-20.

Газета выходит
300 раз
в году.

Когда же началось оно, наше бесправие, под прессом которого стоим и плачем доныне?

По всей очевидности, тогда, когда один срубил на нем выращенное дерево — и никто его даже не поинтересовался; другой без суда и следствия расправился над ним в чем не повинным человеком — и это было помыслимо священной классовой мести; а третий чуждым хотел наладиться и печатать самоглазых лиц и наклеиваемых учреждений и остался при долготности, при регламенте, при власти из мести.

Покажи, наверно было бы взять за точку отсчета эрзац-Бесправия октябрь 1917 года. И до этого в родном государстве доставало своеволия да безразличности — персоналов бесчеловечных экспериментов над человеком. Но что осенью упомянутого года открылись школы для попраных личности и потом уже не закрывались, тут, как сказано, ни убавить, ни прибавить.

Первыми заблудились по этому поводу писатели, которые от вена почита-

лись на Руси как совесть народа. Приехавший летом 1913 года из Москвы в Одессу Иван Бунин, задыхаясь от возмущения, говорил сотрудникам местной газеты о разных дилетантизмах, наступавших в стране, которую «до самого дна исползнули... шумные, ирреальные дела». «Все беря, тащи, вонюхи, вонюхи... И у городского буржуа, и у помещика, и у государства... От издности зажегся, воспламенился взор... — записал его гневные слова корреспондент «Одесских новостей». — Вести была о свободе, о чести, о пробуждении народа, здоровой и сознательной жизни, а понали дело так: беря, вонюхи, вонюхи...»

В защиту гниющей общечеловеческой духовности выступил Максим Горький в «Новой жизни», Алексей Толстой в «Одесском листке». Переживший дни гражданской войны в Одессе профессор Дмитрий Овсинко-Булковский пишет о политическом страхе, который «бушует... с стихийной простотой, предупреждает, что идея прогрессивной де-

мократической государственности административно чужда как демагогам слева, так и олигархам справа... как тут, так и там дурман политических страстей сочетается с наваждением классовой корысти».

Свои наблюдения над совершающимися в революционной деревне в виде четырехчастного очерка «На своей воле» привозит в Одессу Иван Соколов-Микитов. Он передает его Бунину, и тот публикует очерк в двух номерах газеты «Южное слово», где в течение нескольких месяцев возглавлял литературный отдел. Заключительная часть очерка — «Охранная грамота» — запечатлела драматический случай из жизни Михаила Пришвина, который вынужден был покинуть родное Хрущево в Орловской губернии. Очерк не нуждается в особом комментарии. Разве что есть смысл привести отрывок из диссидентской записки Пришвина, который как бы продолжает повествование Соколовых-Микитовых.

«Помню, когда я вышел с уездом, покидая навсегда свой отчий дом, встретился мне один приятель из мужиков, человек большой совести, и я ему вздумал поплакаться: — На своей воле ухожу, — сказал я.

— Боюсь, что убьют, не поглядят ведь, что это я, а заодно с помещиками возмрут и похнут.

— И очень просто, что испнут, — ответил мне знакомый, помещик свое сочувствие неизвестно куда, то ли ко мне, знакомому писателю, то ли к тем, кто меня кохнут.

— Слушай, Захар! — сказал я серьезно. — Ты меня знаешь, ноусли не тебе ни малю глядеть на меня такого — я бегах, с уездом!

Захар во все лицо улыбнулся.

— Милый, — сказал он, положив руку мне на плечо, — ну ты же раньше то хорошо пожил, лучше много, чем наши мужики!

— Ну, положим.

— Вот и положим: пусть пожнут те перья дружки, а ты походи с уездом, ничего тебе от этого плохого не будет. И очень умно сделал, что все бросаю и ушел с уездом. У тебя же есть голова, а у них что!

Вещая сцена!

Как сын, и Пришвин и Соколов-Микитов, выжили, как не на похнувших в более поздние времена, кто может сказать! Видно, вытщались счастливым бытием, видно, такая судьба...

Иван СОКОЛОВ-МИКИТОВ

НА СВОЕЙ ВОЛЕ

ИЗ ЖИЗНИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕРЕВНИ.

Впервые: Южное слово [Одесса]. 1919. 25 декабря. № 100. С. 3.

Дубки

Иду с рыби. В ведерке у меня ползучие два жирных щученка: в авторском ведерке. Иду берегом: голое поле, голое небо и голубая, забравшаяся в берега река. По полю спускается, потирающая синими порками, дед Абросья, Маленького меня он на ладони, как до-робья, носил.

— С рыбой? — спрашивает он, подхо-дит. — Здравствуй!

— Пошлая мят охота.

— Кончился ход ей, — говорит Абросья, вынимая из ведерка тряпичного щученка и пальцем прикладывая по животу, — на того!

Подходим к Семи Дубкам. На пруте, бегущем над тихой заводью, стоят здесь семь дубков, семь сблившихся братьев. В детстве был я уверен, что это — те самые, на которых Соколов-разбойник жил. Мышечной зимой дубки охранили, а теперь остались от них семь пней да раскиданные по кочегору сучья и ми-нушки.

— Закурим, — говорит Абросья, при-саживаясь на пенек.

Над полем того берега низко летит белая птица, свиряющая и рыва, став столбом, каменный паля на воду. Мы андим в ее когти серебро.

— Лещ! — говорит Абросья.

— Щук! — приглядываясь к.

— Лещ! — говорит Абросья.

Скрываясь за ольшином берег, птица, унося добычу. А мы сидим и думаем: о том, как стану жить на своей зольной вале. Абросья — о леще.

— Пеймали так-то, что уца Николай зерзали, — говорит он, срывая былинку для чубука, — поторо.

— Что ж с ним?

— Чего заслухоли, — отвечает он, раз-вываясь и теребя кисет, — ивнем в зем-лю зарыл.

Не спеша он прилаживает трут, коротко и крепко селет огнем и, подвигав пальцем и стегаясь щем, запальвает трубку. До меня тотчас же долетает приятный на ветру запах махорки. Рас-курив трубку и усевшись ловчее, он продолжает:

— Словом по рукам-ногам сажали и посеред дороги поклали и, сколько было народу, подходили и в глаза кара-ли. А потом лопы прищипали: пороты-

Пуща всех бабы надрыкались, все по-глазили народом. Какой-то дядька им и говорит: «Эти вы, товарищи, до смер-ти забьете и ничего не почувствуете, а подходить будет не медленнее смерти предать». Ну, дано слово, вы-рыли там же яму и не, голубинов, рыд-ком на дне. И стал народ горстями гли-ну на них кидать. Скоро им горстями-то! А еще ладил больше от ног. Матроски, молодецкой такой, с ними полагал, так тот накарывал плакать и все Богу молился. Жить, говорят, хочут!

— Так живем и задыхим!

— Замыдали. Ну и пограблям жет под-вал у них тайной был, там так добра, во-лота — руками не поднять! — В голоса Абросья при воспоминании о добре расшаркивает языком и досада.

— Разбойник народ, — продолжал он, помолчал и изменив голос. — Взяли эти дубки — на что нарылись: семь поло-зов!

Гляжу на него, слушаю его голос, и вдруг мелькнула бистрая догадка: дуб-ники никто другой, Абросья и сля-кани!

Смотрю на его абросье заземлево-лицо, ищу следы — нету след, а под бровями так что-то безглазое мыслит.

«Охранная грамота»

Когда начинаю перебирать в памяти паразитов за два года в Святили: хро-вазо, подлое, глупое, трусливое, расте-равшее, смешное, вспоминается один поучительный и трагический случай с приятелем моим, известным писателем-этнографом и знатоком народной ту-шини.

У Михаила Михайловича — так зовут приятеля моего — в Орловской губе-рини был клочок земли и вышесей сад. Под нахмешки и отирательную брань на своих руках аспалел свое поле, зае-л и убрал.

Разгромив колна благополучно мно-вала хозяйство Михаила Михайловича. Ежели не считать срубленного же дрова топольную аллею, которую собственни-

ручно посадил батюшка Михаила-Михай-ловича, все кончилось дама необысто-венно благополучно: козирок же не ос-талось и одного мапо-малыски культур-ного дозвиста.

Совесть у Михаила Михайловича была чиста и спокойна, с крестьянами всегда жил в дружбу, и всем было известно, что когда-то страдал за криводрав-ности. В нем была спокойная уверен-ность: ну, меня-то не тронут! В самые жуткие дни эту веру укрепляли в нем бурмакинский мужики, враждовавшие с ближайшей к Михаилу Михайловичу раз-бойной Дубравкой. Бурмакины обеща-ли поддержку: «Только клинчик». В до-казательство своей преданности они, на зло дубровцам, не раз всей деревней и по своему почину велялись «толокой» помогать вывозить навоз и шутя осмид-вали пуг, на котором одному Михаилу Михайловичу потребовалось бы десять доек.

Так, поддерикистый крестьянами, уце-лел Михаил Михайлович и его хозяй-ство.

Полоса разгрома и огня миновала. Наступил перелом — чаще и чаще на деревенской сходке слышались трезвые голоса. Силу начали забирать козирок и старики, знающие опыт жизни. Столб солдат, вернувшихся с фронта, сбро-сить шинели и вжаться за соку, — через две-три недели они опять становились мужиками: мать-земля брала свое, чад, одуривший на головах, понемногу испе-ряясь, и тот самый Федина, который с дровяники недавно надрыкал глотку, делался неузнаваемым.

«Московский советники, почуяв не-выгодное для себя настроение деревни и надеясь поднять революционный дух, постылись выкупить известный докрит об обязательном заселении помещицкой. В то же время по деревням начали ун-реждать комитеты бедноты.

Копулки помещицы данным-давно испорчились, — остался мавмот, вроде Михаила Михайловича. Мавмоте этой был объявлен поход.

Пришлось и Михаилу Михайловичу по-думать.

Что-то посоветовал ему поехать в Мо-скву.

— Позвольте, известный писатель у вас ценная библиотека! Показайте к Луначарскому, он все может.

Михаил Михайлович соблазнился, ста-ти, ему и нужно было в Москву.

Луначарский принял Михаила Михай-ловича очень любезно. Обещал немед-

ленно все сделать. И была выдана Ми-хаилу Михайловичу странная грамота — большой лист за сургучной печатью и подписью самого. В «грамоте» говори-лось, что имущество и жилища того-то писателя неприкосновенны и нахо-дятся под защитой рабоче-крестьянской власти, которая с революционной стро-гостью покарает и т. д.

Из Москвы Михаил Михайлович вер-нулся торжествующий и нарис эгрмо-ту, к землеману комиссару Онуфрику. Онуфрик внимательно разглядел подпись и печать.

— Товарищ Ленин подписал! — ос-ваивался он привативом. — Садитесь сю-да! — и подкинул выкрашенный в белую краску стул, взятый из больницы для нужд исполкома. — До самого Лени-на дошли! Я, чай, про нашего брата рас-сказывали, знали! А? — щерил дос-ны Онуфрик. — Ну, а как товарищ Ле-нин, ничего не посчит-клясть на местах не объясняли!

И тут Михаилу Михайловичу пока-залось, что в мышечных глазах Онуфрика блеснуло недоброе, велика была зора в сургучную печать и подпись. Вышел он успокоенный.

Конец этой правдивой и поучительной истории самый неординарный. В ту же ночь, под руководством Онуфрика, Ми-хаил Михайлович был разгромлен. Сам же спасся через сено. Библиотека, ру-кописи, имущество погибли. Только два предмета уцелели случайно, и это все, что имеет теперь Михаил Михайлович: оловянный тулуп и икхализованный са-мовар.

Друзья мои, русские и заграницные, приходящие устроили! Мой совет вам: если не хотите остаться при тулупе и самоваре и потерять собственную шку-ру, не ждите советским похоронным тре-моями и советским посулам, дама ести они подписаны самим.

Уж я знаю: в Святилини, власть сама на себе, народ сам по себе, а разбой-ник Онуфрик — сам с уса!

Публицист видготшил
Григорий ЗЛЕНКО.

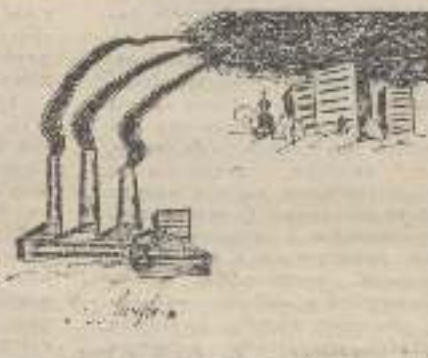

Рис. Александра БАРБАНИЦОВА.

— Вы и Игорь Карпович? И по мне тоже? Ой, да ведь мы с вами знакомы — вы когда-то уже приходили в монтажную, и я вам что-то рассказывала. А вы, видите, перепутали нас с внучкой. Она очень, очень симпатичная. — Тут же добавляет Татьяна Александровна. — Да о чем же я могу рассказывать? Алена, поставь самовар, ведишь — гости пришли. Чаш попьем и поболтаем, просто так.

В монтажной рядом с монтажером Татьяной Александровной Рыжовой очень уютно и просто себя чувствуешь. И рассказывать она, конечно, будет, хоть работа невпроворот. Только не о себе — о режиссерах, операторах, о тех, кто работал, работает рядом. Да и отзываться и просить, она, кажется, не умеет.

— А утром, после ночи работы в монтажной, мы всегда выходили и обрывку и смотрели на восход солнца. До чего же красиво! И знаете, кто нас очень вдохновлял. Марлен Мартынович Худяков всегда работал очень долго и тяжело. Для него, знаете, не существовало слова «сдвинь фильм» — была только цель сделать картину. Он мог по многу раз переделывать какую-то часть, был скрупулезен до безумности.

Помню, как все смонировал, когда я рассказывала о его просьбе «сдвинуть музыку на два кадра». Ну как вам

объяснить? Если речь идет о титре, пропущенном актером, — тут все можно переделать, смонировать, при монтаже переместить музыку и изображение. А музыка — это ведь доли секунды. Подумать, тактом, ритмом, тактом, ритмом она зазвучит. А для него это имело огромное значение, — вот и знала о чем рассказывать Татьяна Александровна.

Для подавляющего большинства режиссеров, операторов, студийных работников других профессий — это такая Татьяна Александровна, не всегда понятна, Тася? Тася, конечно, знают все.

— Как интересно все и живая складывается. Вот буквально перед

переделывать уже сданные части картины, то мы тайком от всех пробирались в монтажную и обеды и перекусы, с кусочками плески в кармане и... снова монтировали — так, как хотел Марлен Мартынович.

А вообще мы были тогда молоды, полны творческого энтузиазма, нам не нужно было какое-то особенное свободное время — мы работали и, значит, были постоянно вместе. Перебрали, ведь я жила просто рядом с киностудией — здесь на месте новых домов стояли маленькие одноквартирные домики. В одном из них и жила наша семья. Но и рядом была дача. Обои мне приносили бутерброды на

характеристиках, написанные на меня Марленом Мартыновичем. Без воды, конечно, знаете — для того, чтобы почитать категорию, нужны были характеристики. Это было очень, очень личное и непростое задание. Характеристикам нужно было просить, режиссеры забывали их написать, потом нужно было напоминать. Помню как-то раз был о такой моей просьбе в Худяков. И была еще раз в Москве и, слава богу, раз, решила больше не беспокоить. Так что, он на вокзал приехал и ласково спросил: «Мне нужно? И где же — они не на машинке написаны, а написаны от руки. Память».

Линейка самовар, и утренняя Татьяна Александровна галитивает по чашкам чай, намазывает бутерброды, учась не только премудрости монтажного мастерства, но и любви к людям, работе о них, даже в зловещей, доброты и преданности. Дорисовывала Татьяна Александровна. Даже стилист, написанный о ней самой в буклете, она не упоминала. А вот что говорила, вернее, что в пути-вдали ее учительнице, пишет уже не один десяток лет.

— Мне, видите ли, очень редко да режиссерам. Нет, я, конечно, не всех их одинаково люблю — люди-то разные. Ну, в общем, конечно, особые чувства испытываю к талантливым режиссерам. Очень люблю Игоря Алену, он ведь ученик Худякова. А когда я очень серьезно заболела в 84-ом году, они меня просто спасли. Тогда состояние было — ничего не могла заставить себя делать. Приду на работу, посмотрю книгу или на... Да что там вспоминать. А Петр Борисович Тодоровский сейчас тогда «Верность». Вот и предположили мне зайти в монтажную, фонотеку, шумов. Принесли семидесяти дорожек — а мы записывали. Нет, не потому, что работу эту не могли, просто очень боится поднимать друзей. И не могла поднести. Потом звукоинженеры этой картины (очень талантливые люди) излучили гласность — на дачу работу года. Так он из Киева переехал и говорит: «Тася, работай, я могу подождать». Боже, как приятно было, что оценили твою работу! И... выдохнула. Да что и мы не едим бутерброды? — спрашивалась Татьяна Александровна. — Едите, пожалуйста. Монет, где чай? —

Так хотелось и чаю, и бутербродов, и побольше поговорить с хозяйкой монтажной. На студии говорят, на таких, как Тася, держатся наша. Помоему, на таких держатся что-то гораздо большее. И так было, если такой человек печально преисполнит, как все поменялось.

Юлия ЖЕНЕВСКАЯ.

МИР ПРОФЕССИЙ КИНО — В ПОРТРЕТАХ

ТАСЯ

всему на студии был вынужден ученик Марлена Мартыновича — он приехал на поруки учителя отнять материал для нового фильма. Так вот он тоже просит меня рассказать о моей работе с Худяковым — они так собираются снять о нем фильм. А когда переделывала титры, предупреждала — только вы не скажите: от Татьяны Александровны. Скажите — личный лайф от Таси, тогда он поймет и извинится.

Для фильма — «Песня на Заречной улице» и «Два Федора». И мы тогда не только вместе работали, мы дружили. Была у нас чудная группа — операторы Петр Тодоровский, Радемир Васильевский, автор сценария и сценарист Феликс Миронер (он и соавтор, уже умер), монтажер Ольга Майская (она эмигрировала в Америку лет десять назад и я, тогда еще монтажером).

«Марлен» — не Дитрих, Петр — не Великий Феликс — не Дзержинский, Татьяна — не Ларина и Элла — не Буланова. — так тогда шутили на студии. А Тодоровский мне предлагал еще одно смерное прозвание — Флорин Тосья (именно Тоски). Вот так и веселились.

А еще по ночам, когда очень уставали, нам Марлен Мартынович показывал части из полчища в то время «Дело было в Пеньялопе» с молодым Тихоновым. Так сказать, поддерживал в нас «боевой» дух. Посмотрев фильм, покуривши в кресле просторного зала — и снова за работу. А ведь Худяков давал дирекцию студии до того, что ему запретила

студию и переделывал символ решетки забора — где там найти минутку и бежать домой. Но зато мы ходили в филармонию и театры, бегали в гости, где говорили, говорили о своем фильме, о музыке и спектаклях. Как сейчас все вспоминается.

Татьяна Александровна (очень жалко, но мне не посчастливилось называть ее Тасей) задумывается.

— Мы получили сейчас возможность хорошо зарабатывать. И даже и зарабатывали (это, конечно, не эти самые деньги) гораздо больше, чем раньше. И это хорошо. Но одновременно на жизнь ушло что-то гораздо более ценное, веселое. Сейчас можно бросить режиссуру и идти на работу или более выгодную. Сейчас вообще можно много, чего раньше было сделать нельзя.

Да, еще забыла рассказать. После «Песни на Заречной...» у нас был бабкет. Там мы две ночи перед ним просидели неспускаясь. Тодоровский ведь великолепный музыкант. Он и переключал на музыку стили, которые сочинял Худяков и Миронер. Бутерброды были все из постановочной группы. Но я почему-то запомнила одно четверостишие:

В монтажке у нашей Эллы
Стили вовсе незамысловаты,
Были стили. Только эти —
У начальства в кабинетах...

Вот такой стилист. А ведь все вместе хорошо. А потом мы отмечали 20-летие картины. Многие съезжались. Нам поздравляли, дарили подарки, мы ревели и... были очень счастливы.

До сих пор у меня даже хранится

ФИЛЬМЫ КИРЫ МУРАТОВОЙ — ЭТО ВСЕГДА СОБЫТИЕ

«Астенический синдром» уже успел стать событием в Западной Берлине и в Монреале, в Сан-Франциско и в Париже, во Флоренции и еще во многих и многих городах мира.

Так и не попала эта картина в широкий всесоюзный прокат — ПОНА не попала. Но, как говорит в Одессе, «еще не вечер», не правда ли?

Создание этого фильма расценило кинематографистами страны и мира как исключительный вклад в киноискусство.

Союз кинематографистов СССР награждает группу создателей ленты «Специальным призом» — премией в размере 20000 рублей.

Торжественная церемония вручения награды — в программе «Золотого Дюна».

Еще раз поздравляем Киру Муратову и всех, кто вместе с ней работал над «Астеническим синдромом».

А чья была эта картина — для самой Киры Георгиевны — судите по фрагменту ее записи.

О фильме «Астенический синдром»

Фильм «Астенический синдром» — мой шестой фильм. Каждый раз думаю: это последний — больше мне не о чем снимать, говорить. Каждый раз, когда спрашивают: «О чем фильм?» — отвечаю искренно: «Обо всем!».

Поэтому не будем об этом говорить, вернее — я не буду. Что касается частностей — сюжета, актеров и пр. — можно немножко пооболтать.

Школьный учитель — человек средних лет, человек одиозный, своеобразный, переделывающийся, стремящийся быть писателем. — главный герой фильма (играет его Сергей Попов — мой, можно сказать, постоянный актер).

Вокруг него — весь фильм.

В школе, где он служит, — с одним из учеников у него конфликт, с одной из учениц — роман. Она влюблена в своего учителя и пытается перевернуть его жизнь.

Улицы, сады, по которым бланширует герой, наблюдая людей, «изучая жизнь»: дом, семья, жена, теща, сестра Юля и ее Богемный занятный антураж; больница психиатрическая — туда герой, в конце концов, угодил. Но главное не в перенесении, главное в интереснейшей, с моей точки зрения, выдумке сценариста Александра Черныха, а заключается она вот в чем: наш герой болен странной болезнью. Раньше это называлось клаустрофобией, черной меланхолией. Наш герой засыпает каждый раз, когда не может совладать с предлагаемыми жизнью обстоятельствами. В финале фильма засыпает «мертвецки». Что это — символ? Не знаю.

В фильме снимались интереснейшие

Кадр из фильма.

и одареннейшие, на мой (влюбленный) взгляд, актеры и непрофессионалы: Ольга Антонова — ленинградская театральная актриса, дебютантка Галина Захарова, Наталья Бузина, Александра Савенко. Интересная деталь: Сер-

гей Попов, исполнитель главной роли, одновременно один из авторов сценария — нас трое: А. Черных, С. Попов и я.

Кира МУРАТОВА.

стр. 2

ПОЧТИ ПО БАБЕЛЮ

~~~~~

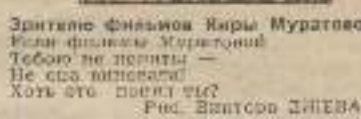
* - Company 1st 12th 1888 1889 1890 1891 1892 1893 1894 1895 1896 1897 1898 1899 1900 1901 1902 1903 1904 1905 1906 1907 1908 1909 1910 1911 1912 1913 1914 1915 1916 1917 1918 1919 1920 1921 1922 1923 1924 1925 1926 1927 1928 1929 1930 1931 1932 1933 1934 1935 1936 1937 1938 1939 1940 1941 1942 1943 1944 1945 1946 1947 1948 1949 1950 1951 1952 1953 1954 1955 1956 1957 1958 1959 1960 1961 1962 1963 1964 1965 1966 1967 1968 1969 1970 1971 1972 1973 1974 1975 1976 1977 1978 1979 1980 1981 1982 1983 1984 1985 1986 1987 1988 1989 1990 1991 1992 1993 1994 1995 1996 1997 1998 1999 2000 2001 2002 2003 2004 2005 2006 2007 2008 2009 2010 2011 2012 2013 2014 2015 2016 2017 2018 2019 2020 2021 2022 2023 2024 2025 2026 2027 2028 2029 2030 2031 2032 2033 2034 2035 2036 2037 2038 2039 2040 2041 2042 2043 2044 2045 2046 2047 2048 2049 2050 2051 2052 2053 2054 2055 2056 2057 2058 2059 2060 2061 2062 2063 2064 2065 2066 2067 2068 2069 2070 2071 2072 2073 2074 2075 2076 2077 2078 2079 2080 2081 2082 2083 2084 2085 2086 2087 2088 2089 2090 2091 2092 2093 2094 2095 2096 2097 2098 2099 2100 2101 2102 2103 2104 2105 2106 2107 2108 2109 2110 2111 2112 2113 2114 2115 2116 2117 2118 2119 2120 2121 2122 2123 2124 2125 2126 2127 2128 2129 2130 2131 2132 2133 2134 2135 2136 2137 2138 2139 2140 2141 2142 2143 2144 2145 2146 2147 2148 2149 2150 2151 2152 2153 2154 2155 2156 2157 2158 2159 2160 2161 2162 2163 2164 2165 2166 2167 2168 2169 2170 2171 2172 2173 2174 2175 2176 2177 2178 2179 2180 2181 2182 2183 2184 2185 2186 2187 2188 2189 2190 2191 2192 2193 2194 2195 2196 2197 2198 2199 2200 2201 2202 2203 2204 2205 2206 2207 2208 2209 2210 2211 2212 2213 2214 2215 2216 2217 2218 2219 2220 2221 2222 2223 2224 2225 2226 2227 2228 2229 2230 2231 2232 2233 2234 2235 2236 2237 2238 2239 2240 2241 2242 2243 2244 2245 2246 2247 2248 2249 2250 2251 2252 2253 2254 2255 2256 2257 2258 2259 2260 2261 2262 2263 2264 2265 2266 2267 2268 2269 2270 2271 2272 2273 2274 2275 2276 2277 2278 2279 2280 2281 2282 2283 2284 2285 2286 2287 2288 2289 2290 2291 2292 2293 2294 2295 2296 2297 2298 2299 2300 2301 2302 2303 2304 2305 2306 2307 2308 2309 2310 2311 2312 2313 2314 2315 2316 2317 2318 2319 2320 2321 2322 2323 2324 2325 2326 2327 2328 2329 2330 2331 2332 2333 2334 2335 2336 2337 2338 2339 2340 2341 2342 2343 2344 2345 2346 2347 2348 2349 2350 2351 2352 2353 2354 2355 2356 2357 2358 2359 2360 2361 2362 2363 2364 2365 2366 2367 2368 2369 2370 2371 2372 2373 2374 2375 2376 2377 2378 2379 2380 2381 2382 2383 2384 2385 2386 2387 2388 2389 2390 2391 2392 2393 2394 2395 2396 2397 2398 2399 2400 2401 2402 2403 2404 2405 2406 2407 2408 2409 2410 2411 2412 2413 2414 2415 2416 2417 2418 2419 2420 2421 2422 2423 2424 2425 2426 2427 2428 2429 2430 2431 2432 2433 2434 2435 2436 2437 2438 2439 2440 2441 2442 2443 2444 2445 2446 2447 2448 2449 2450 2451 2452 2453 2454 2455 2456 2457 2458 2459 2460 2461 2462 2463 2464 2465 2466 2467 2468 2469 2470 2471 2472 2473 2474 2475 2476 2477 2478 2479 2480 2481 2482 2483 2484 2485 2486 2487 2488 2489 2490 2491 2492 2493 2494 2495 2496 2497 2498 2499 2500 2501 2502 2503 2504 2505 2506 2507 2508 2509 2510 2511 2512 2513 2514 2515 2516 2517 2518 2519 2520 2521 2522 2523 2524 2525 2526 2527 2528 2529 2530 2531 2532 2533 2534 2535 2536 2537 2538 2539 2540 2541 2542 2543 2544 2545 2546 2547 2548 2549 2550 2551 2552 2553 2554 2555 2556 2557 2558 2559 2560 2561 2562 2563 2564 2565 2566 2567 2568 2569 2570 2571 2572 2573 2574 2575 2576 2577 2578 2579 2580 2581 2582 2583 2584 2585 2586 2587 2588 2589 2590 2591 2592 2593 2594 2595 2596 2597 2598 2599 2600 2601 2602 2603 2604 2605 2606 2607 2608 2609 2610 2611 2612 2613 2614 2615 2616 2617 2618 2619 2620 2621 2622 2623 2624 2625 2626 2627 2628 2629 2630 2631 2632 2633 2634 2635 2636 2637 2638 2639 2640 2641 2642 2643 2644 2645 2646 2647 2648 2649 2650 2651 2652 2653 2654 2655 2656 2657 2658 2659 2660 2661 2662 2663 2664 2665 2666 2667 2668 2669 2670 2671 2672 2673 2674 2675 2676 2677 2678 2679 2680 2681 2682 2683 2684 2685 2686 2687 2688 2689 2690 2691 2692 2693 2694 2695 2696 2697 2698 2699 2700 2701 2702 2703 2704

тебя за такого злыдя? Ты, видно, представляешься мальчишкой... Разве ты не знаешь, что мы уже все спили с полями, и в сенокосе с травами «десятью метриками» без помехи. И снажу тебе, попомна руку на сердце, что я со всеми этого нелепо! Дискуссию, шпантинскую, климатическую!

Поздним октябрьским вечером туман накрыл город. Толпы людей стояли в очередях к кинотеатрам. Значит, будет Одесса «Золотой Дюны», подумали мы. И предвещая востанье, носнулись нас.

Евгений МЕРЛИН

Зрителю Филимон Яры Муратово
 Если Филимон Муратович
 Тебю не пошты —
 Не срашывага!
 Хоть ето, прости?
 Ред. Евгений ШИША

ТИПОВЫЕ СЦЕНАРИИ РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТРАГИКОМЕДИИ

то, что на Сибирь никто не пошел. Мы же

ПЕРД и СЕГЕННЕ МУЧИКВА.

